

Меня охватил ужас, словно я оказалась в фильме ужасов, когда меня поволокли обратно. Горничная тянула изо всех сил, но это было бесполезно, как бросать яйцо в камень. Меня грубо втащили под кусты, и несколько острых веточек разорвали тонкую ткань моего рукава и кожу под ним. Солнечный свет снова ослепил меня, и я вернулась во Дворец Заката.

- Отпустите меня! - закричала я инстинктивно. Я оглянулась, и суровое лицо сэра Беррика оказалось прямо перед моим. Я никогда в жизни не была так напугана, даже во время отравления. Слезы начали выступать на глазах, и мне пришлось сдерживать порыв горько разрыдаться, как маленький ребенок, перед этим странным и пугающим человеком.

- Куда ты направляешься, рабыня? - спросил он спокойно, словно говорил о погоде. - Ее Высочество Принцесса Джулия еще не закончила с тобой.

Стальная хватка на моей лодыжке причиняла адскую боль, и я боялась, что он нанесет непоправимый вред этой тоненькой, словно у куклы, ноге в его огромной ладони.

- Я тоже принцесса! Вы мне навредили, сэр! - всхлипнула я. Не самый гордый момент в моей жизни, но я чувствовала себя невероятно угрожаемой.

- Да, она принцесса, сэр! Да, она! Я ее горничная, точно! - раздался за моей спиной грубый акцент, знакомый мне по трущобам.

Я обернулась и увидела благословенное зрелище. Молодая горничная, которая пыталась помочь вытащить меня раньше, проползла под кустами в этот осиный улей и теперь отважно встала перед сэром Берриком. Он отпустил мою лодыжку, и я отползла назад, а горничная яростно смотрела в глаза этого чудовища. Эта картина почти библейская, как Давид и Голиаф. Только вот святая горничная, пришедшая защитить меня, вряд ли окажется такой же удачливой, как Давид.

- И какие у тебя есть доказательства? - безразлично спросил сэр Беррик. Оставшиеся королевские гвардейцы выглядели так, будто оказались между молотом и наковальней. Я знала, что они узнали меня, но не осмелились сообщить об этом сэру Беррику. Какие трусы.

- Ну.. ну.. У нее золотые глаза, как у Его Величества! - сказала она после секунды нерешительности.

Сэр Беррик посмотрел на нее сверху вниз, словно она была насекомым.

- Это легко подделать с помощью магии. Что может знать о настоящем виде глаз Его Величества Императора такая маленькая девчонка? - Это была жестокая словесная схватка. Как молодая, возможно, необразованная девчонка, эта горничная не имела ни единого шанса против этого королевского гвардейца.

Она это понимала.

- Это несправедливо! Вы ужасно обращаетесь с Ее Высочеством. Она принцесса, я вам обещаю! - смело сказала горничная.

- Какова цена обещания горничной рабыни? Возможно, она приказала тебе солгать за нее, - заключил сэр Беррик. Джулия немного успокоилась и теперь наблюдала за происходящим с злорадной улыбкой на лице. Я отчаянно хотела стереть эту ухмылку с ее щек, но все еще сидела на траве, рыдая и держась за пульсирующую лодыжку.

- Схватите рабыню и отведите ее в подземелье, - приказал сэр Беррик, сложив руки за спиной. Королевские гвардейцы, вернее королевские прихвостни, шагнули вперед, чтобы повиноваться. Черноволосая горничная тут же начала протестовать, пока Беррик не повернулся к ней спиной и не продолжил:

- Лучше захватите их обеих. - Его ужасная улыбка врезалась в мою память, когда он ушел за моей ликующей сводной сестрой. Семейные встречи, которые я пережила до сих пор в королевском дворце, превзошли мои ожидания многократно.

Горничная была застигнута врасплох произошедшим и, словно заяц, ускользнула под кусты. Она быстра на ногах, в отличие от меня с моей теперь поврежденной лодыжкой, и исчезла в считанные секунды. Два королевских гвардейца крепко ухватили меня за руки, словно с одним охранником я могла бы как-то сбежать. Я рада, что хотя бы одной из нас удалось уйти.

Я все еще плакала, когда меня наполовину волокли, наполовину вели к официальному выходу из Дворца Заката. Но это были слезы не горя, а ярости. Я была в ярости, практически видела все в красном цвете. Я слышала за спиной хихиканье Джулии, словно нашего столкновения и не было, и затряслась от гнева.

У меня во рту была кровь, и я смутно припоминала, как мой подбородок с силой ударился о землю, когда сэр Беррик оттащил меня обратно в ужасный дворец моей сестры. Слюна смешалась с кровью, и прокушенный язык пульсировал от боли.

- Моя мать говорила мне, что у каждого своя дорога в жизни. Рабы должны оставаться рабами. Нет смысла сбиваться с пути, - легкомысленно сказала Джулия. Меня накрыло чувство дежавю, вперемешку с абсолютным отвращением. Я резко повернула голову через плечо, ошеломленная словами, слетающими с уст этого ребенка. Она сидела в беседке, а сэр Беррик стоял рядом и кивал. Она ела мятные леденцы.

Это была одна из фраз, которую Джулия говорит Кларе, когда они обе уже подростки, и Клара признается, что хочет встречаться с наследным принцем. Я не уверена, что это дословная цитата, но это был ключевой момент в книге, когда Джулия показала всю свою изворотливость. Почему я слышу это сейчас, на 12 лет раньше?

Прошло уже пять лет с тех пор, как я прочитал этот роман, и без моих записанных заметок вспомнить что-либо стало намного сложнее. При виде мяты меня охватывает жжение в груди. Я никогда не думал, что буду так сильно ненавидеть определенную сладость, ведь с тех пор, как я себя помню, у меня неизменно было отвращение к кукурузным сладостям, но к мяте..

Я размышляю над словами, произнесенными Юлией, и гадаю, не несут ли они для меня какого-то скрытого послания. Возможно, мята пытается сказать мне, что я должен позволить сюжету развиваться своим чередом и перестать пытаться изменить свою судьбу.

Мой разум исследует возможности, которые я еще не рассматривал. Насколько сильно мята может влиять на сюжет? Могу ли я настолько радикально его изменить, что даже мята уже ничего с этим не сможет поделать? Погруженный в свои размышления, я послушно выхожу из дворца в сопровождении стражников, пока любопытствующие взоры собравшихся с содроганием наблюдают за происходящим. Им все ясно. Они знают, кто я такой. Но они также знают, кто такая императрица. Поэтому для них очевидно, что они не должны вмешиваться, раз меня выводят из дворца ее дочери.

Так значит, мята хочет, чтобы меня унизили и вернули в беззащитного Зимнего из романа? Ни за что. Если они хотят унижения, то они его получают, и еще больше того. Я преувеличиваю

свою хромоту, кривясь от боли на каждом шагу, будто по земле раскиданы гвозди, пронзающие мою ногу. Я хочу сказать людям: "Посмотрите, что ваша драгоценная дочь делает со своим собственным братом". Даже если никто не может вмешаться, люди все равно станут об этом судачить.

Кажется, что я еле волочу ногу за собой. Я снова чувствую, как во рту скапливается кровь, и мне приходит в голову одна идея. Остановившись в мраморном коридоре под взглядами всех присутствующих, я начинаю дрожать и сотрясаться от озноба, изображая тяжелораненого. Это совсем не сложно - я чувствую себя измотанным, и мои веки уже начинают трепетать. Сквозь мерцающее зрение я ищу темноволосую служанку, которая пыталась меня спасти, но ее нигде не видно.

"Прошу вас, ваше высочество, пройдемте", - нервно бормочет стражник слева. Я сдерживаю горькую усмешку. Теперь он вспомнил про мой титул.

Вместо того, чтобы обругать этого глупца, я просто смотрю на него полными слез глазами и дрожащим голосом говорю: "Простите". А затем хватаюсь за грудь и, в лучших традициях дневных мыльных опер, извергаю изо рта весь скопившийся там кровавый сгусток на пол, безвольно повисая в руках стражников. Я слышу, как ахнула толпа, наблюдая, как кровавые ручейки стекают по моему светлому платью - идеальному холсту для моего представления. Теперь я выгляжу так, будто меня избили до полусмерти, а не просто подвернули лодыжку и прикусили язык.

Стражники теперь идут быстрее, так как некоторые смельчаки начинают выражать свое неодобрение. Я изображаю обморок, покачивая головой в такт их шагам, и недовольные возгласы лишь усиливаются. Как бы ни был мне ненавистен Мятный, он сейчас не моя первоочередная проблема. Нет, главной и крупнейшей целью в моем списке является сама императрица.

Жестокие слова Юлии до сих пор звенят у меня в ушах, слова, которые не должны быть в устах ребенка ее возраста. И она ясно дала понять, что этому ее научила мать. Если императрица Катя тратит свободное время, чтобы вбивать в Юлию такую ненависть ко мне, я даже польщен.

Прохожие в шоке останавливаются, наблюдая, как меня волокут мимо. Но эффект зрителя уже в действии - их ужас при виде избитого ребенка не побуждает их к протесту. Потому что даже в этом роскошном новом дворце, окруженный прислугой, я ничто. Без власти, поддержки или любви я ничего не стою в этом дворцовом аквариуме с акулами. Но это нужно менять.

Однако перемена моего статуса кажется такой пугающей, когда я начинаю различать запахи мочи и прочих омерзительных вещей. Кончики моих белоснежных туфель тащатся через грязь и мусор. Теперь я больше не слышу взволнованных шепотов, только мрачное молчание и редкие стоны. Мне не нужно открывать глаза, чтобы понять, куда нас ведут.

Подземелье. Сэр Беррик действительно имел в виду именно это. Даже если бы я была дочерью дворянина, а не принцессой, такое наказание слишком жестоко. Ребенок мог бы сильно травмироваться. Черт, мой 26-летний разум тоже здорово напуган. Но в первую очередь я разозлен тем, что эти бездушные королевские стражники, члены почтенного рыцарского ордена, призванные защищать королевскую семью, готовы швырнуть меня в опасное подземелье, лишь бы остаться в фаворе у императрицы. Здесь, среди испражнений, явственно ощущается запах коррупции.

Подсыхающая кровь вокруг моих губ начала зудеть, и я начал царапать ее, но неожиданно

услышал звон металла. Что-то тяжелое висело на моих запястьях, и мое сердце пропустило удар при виде огромных наручников, закрепленных на моих хрупких руках. Должно быть, я так глубоко вжился в свою роль, что не заметил, как меня затащили в камеру и заковали.

Моя голова стала тяжелой, и больше я не притворялся, когда она упала на грудь. Я скоро потеряю сознание. Мое деликатное состояние и этот грубый опыт в этом дворце совершенно несовместимы. Сквозь туман, начинающий застилать мой разум, я слышу, как кто-то яростно кричит.

"Что за чушь здесь происходит, Эдвард?"

Ах, Финн. Его обычный всезнающий тон, к которому я привык, давно ушел, вместо этого в его голосе слышится непреклонная сталь, когда я смутно различаю его яркие белые волосы за решеткой. Он расстроен из-за меня? Я слабо усмехаюсь, что звучит больше как кашель в моем сухом горле, и слышу, как Финн зовет меня по имени, когда я тону во тьме. Я не думал, что ему не все равно.

<http://tl.rulate.ru/book/30200/3807326>